

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ И «ЖИВАЯ ДИАЛЕКТИКА» «ПУШКИНСКОГО ПЕРСОНАЖА»¹

Сипли Дж.

Гамильтонский колледж (Клинтон, США)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8209-0825>

Аннотация. В статье описывается работа А. Платонова в журнале «Литературный критик». В центре внимания находится литературно-критическая полемика авторов журнала с официальными советскими литературными кругами. Исследуются платоновские статьи о Пушкине, написанные к юбилею поэта. Статьи Платонова о Пушкине представляют собой попытку осмыслить наследие пушкинского приема художественного вдохновения и политического энтузиазма, или, используя термин Платонова для обозначения и того, и другого, *воодушевления* во время сталинских 1930-х годов. В своих статьях Платонов возвращает романтический миф о поэте как о голосе молчаливого русского народа. В статье «Пушкин и Горький» особое внимание уделяется платоновской интерпретации стихотворения «Пророк», по отношению к которому Платонов наиболее точно формулирует свое понимание наследия поэта при социализме.

Автор отмечает противоречие между платоновским определением советских трудящихся масс как настоящих наследников пушкинского творчества и его признанием Ленина, Сталина и Горького в качестве политических и художественных последователей поэта. Делается вывод о том, что платоновский диалектический подход был попыткой «задавить, пересилить <...> энергичной, интеллектуальной силой труднейшие» противоречивые принципы работы «живым принципом», который, по мнению Платонова, родился из страданий, испытываемых беднейшими трудящимися Советского Союза и всего остального мира.

Ключевые слова: А. Платонов; А. Пушкин; критика; философия; диалектический подход.

ANDREI PLATONOV AND THE “LIVING DIALECTIC” OF THE PUSHKINIAN PERSON

Jason Cieply

Gamilton College (Clinton, USA)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8209-0825>

Abstract. The article describes Andrei Platonov's work in the journal *Literary Critic*, with a focus on the literary-critical dispute between the authors of the journal and the representatives of the official Soviet literary circles. The author studies Platonov's articles about Pushkin, written for the poet's jubilee. Platonov's articles about Pushkin represent an attempt to understand the legacy of Pushkin's trope of artistic and political inspiration, or, to use Platonov's term for both, *voodushevlenie*, in the Stalinist 1930s. In his articles, Platonov deploys the Romantic myth of the poet as the voice of the silent Russian people. In “Pushkin and Gorky”, prominence is given to Platonov's interpretation of the poem “The Prophet”, in relation to which Platonov formulates his understanding of the poet's legacy under socialism.

The article notes the contradiction between Platonov's definition of the Soviet working masses as true inheritors of Pushkin's creative activity and the recognition of Lenin, Stalin and Gorky as political and artistic followers of the poet. The author draws conclusion that Platonov's dialectical approach was an attempt to “overcome, to overpower the most difficult and contradictory principles of work with a living, energetic, intellectual force”, a “living principle”, which, Platonov believed, was born of suffering dispersed throughout the poor working people of the Soviet Union and the rest of the world.

Keywords: A. Platonov; A. Pushkin; critic; philosophy; dialectical approach.

¹ Cieply, Jason. “Andrei Platonov and the ‘Living Dialectic’ of the ‘Pushkinian Person.’” *Pushkin Review* 20.1 87–99. Web.

Для цитирования: Сипли, Дж. Андрей Платонов и «живая диалектика» «пушкинского персонажа» / Дж. Сипли. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 87–97. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-06.

For citation: Cieply, J. (2021). Andrei Platonov and the “Living Dialectic” of the Pushkinian Person. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 87–97. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-06.

За последние годы опубликовано немало работ о сотрудничестве Андрея Платонова с Дьёрдем Лукачем, Михаилом Лифшицем и другими авторами, печатающимися в «Литературном критике», а также членами дискуссионной группы «Течение»¹. Встреча двух наиболее значимых марксистских эстетов – при том, что один из них был давно всемирно известен, а другой заново открывается только сейчас – с писателем, которого по праву можно назвать крупнейшим пролетарским прозаиком, рожденным русской революцией, кажется фантастической. Обстоятельства этого сотрудничества носят драматический характер. Эти три мыслителя вступили в публичную литературно-критическую полемику с ведущими представителями советских официальных литературных кругов, включая Валерия Кирпотина и Владимира Ермилова [Платт 2016: 156]. Между тем, на антипартийную группу «Литературный критик» был написан тайный донос, адресованный Иосифу Сталину, Андрею Жданову и другим членам Центрального Комитета всесоюзной коммунистической партии во времена разгула сталинского террора². Горячие споры между двумя группами касались социалистического реализма, «народного духа (народности)», гуманизма, типологии положительных героев, оптимизма, эстетизма и их места в советской литературе. Пушкинский юбилей 1937 года

превратил наследие поэта в ключевую арену этих полемических сражений. Именно в таком контексте Платонов опубликовал две объемные статьи о Пушкине – «Пушкин – наш товарищ» и «Пушкин и Горький» – в январском и июньском номерах «Литературного критика».

Вклад Платонова в это интеллектуальное течение был разноплановым. В дополнение к участию в дискуссионном кружке этой группы, он публиковал рассказы, критические статьи, рецензии на работы российских, советских и зарубежных авторов и полемические статьи в «Литературном критике» (а также в других журналах и газетах, например, «Литературном обозрении» и «Литературной газете») в 1936–1940 годах. В статье «О вредных взглядах Литературного критика», которая была не чем иным как полемической атакой на журнал, Ермилов писал, что Платонов был «художником-критиком в буквальном смысле слова»³. Скорее всего, Ермилов случайно употребил эту сложную конструкцию, которая характеризует литературно-критический стиль платоновских сочинений этого периода. Не будучи ни жестким литературным термином, ни продуктом случайного вдохновения, такие конструкции включают в себя два компонента, которые в совокупности составляют нечто большее или меньшее, чем они обозначали бы, будучи употреблены отдель-

¹ Наталья Полтавцева была одной из первых ученых XXI века, вернувшихся к этому плодотворному периоду сотрудничества между тремя мыслителями: Наталья Полтавцева, «Гуссерлианское, космическое и Пушкинское начала в Платонове». Эссе в области поэтики, 27: 2 (2002): 97–113; Полтавцева «Платонов и Лукач: Из истории советского искусства 1930-х годов», Новое литературное обозрение, 107: 1 (2011): 253–270. Джонатан Платт выделил целую главу для описания сотрудничества Лифшица и Платонова в своей книге о Пушкине, изданной к юбилею поэта: Джонатан Брукс Платт «Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт» (Питтсбург: Изд-во Питтсбургского университета, 2016). Статья Павла Хазанова предлагает новое прочтение платоновской «Счастливой Москвы» в свете интеллектуального сотрудничества Лифшица и Платонова в этот период времени: Павел Хазанов «Честные яковинцы: Мощный сталинизм и социалистический субъективизм Михаила Лифшица и Андрея Платонова», Русское обозрение 77: 4 (2018): 2–27.

² «Из докладной записки секретарей ЦК ВКП (б) А. А. Фадеева и В. Я. Кирпотина секретарям ЦК ВКП (б) «Об антипартийной группировке в советской критике», В кн.: «Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917–1973, под ред. Андрея Артизова и Олега Наумова (М.: Демократия, 1999), 439–444. См. также: Александр Галушкин, «Андрей Платонов – И. В. Сталин – Литературный критик». В кн.: «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества». Под ред. Н. В. Корниенко (М.: Наследие, 2000), 4: 817–822; Н. В. Корниенко. Комментарий к «Фабрике литературы: Литературная критика, Публицистика. Ред. Корниенко (М.: Время, 2011), 668.

³ Ермилов В. «О вредных взглядах Литературного критика», Литературная газета, 10 сентября 1939 г.

но. В 1938 году авторитет Платонова как советского критика позволил ему заключить договор с издательством «Советский писатель» о публикации сборника критических статей и рецензий под «скромным» названием «Размышления читателя». В августе 1939 года издательство уже начало печатать книгу, когда разворачивающаяся кампания против «Литературного критика» остановила публикацию. В сентябре Платонову сообщили, что эссе «Пушкин и Горький» будет исключено из книги, а на статьи о Пушкине был дан негативный отзыв в ермиловской статье, осуждающей «вредные взгляды» «Литературного критика». В 1940 году сборник был окончательно снят с печати и отправлен на полку на неопределенное время после отрицательной внутренней рецензии, написанной не кем иным, как Кирпотиним, тогдашним директором отдела рецензирования Союза советских писателей.

Кроме критических статей, Платонов опубликовал несколько прекрасных зрелых прозаических работ в «Литературном критике», включая рассказы «Бессмертие» и «Фро» (№ 8, 1936). Согласно доносу Кирпотина и Ермилова, журнал «восхвалял Платонова» и «приводил его в качестве примера» для остальных советских писателей: «Литературный критик» сделал Платонова своим знаменем, «на него указывают, как на образец»¹. После смерти Горького в 1936 году, эти гуманистически настроенные левые мыслители увидели шанс оспорить некоторые отличительные особенности социалистического реализма и попытались протащить свою собственную теоретически утонченную эстетику и высокопрофессиональную социалистическую прозу Платонова в качестве новых стандартов советского искусства. Начиная с опубликованной в 1937 году статьи «Эммануэль Левин» и до наших дней, один из наиболее проницательных исследователей Платонова, Лукач иллюстрирует этот новый идеал на основе платоновского рассказа «Бессмертие». Он противопоставляет главного героя рассказа «готовым» героям советской литературы, пытаясь «сконструировать

отвлеченные, но зато вполне определенные, 'чистые', 'социалистические' свойства и резко противопоставить их другим, также строго определенным и изолированным чертам, характерным для классового общества»². В противовес этому, Платонову удается «показать сложный, полный противоречий процесс становления нового человека в общественной среде, тоже переживающей период становления и еще страдающей от экономических и идеологических пережитков капитализма»³. Эта трансформация «выражается с помощью сложной диалектики», в которой «процесс труда... органически сочетается с расцветом личности», а «живое взаимодействие между достоинствами и недостатками личности» изображается таким образом, что они исходят друг от друга и от «основны[х] проблем современности»⁴. В течение последующих лет платоновский рассказ и статья Лукача, а также платоновские статьи о Пушкине, станут ключевыми произведениями в приобретающей все большее значение полемике, которая в итоге завершится партийным постановлением о закрытии «Литературного критика» [Галушкин 2003: 817].

Празднование пушкинского юбилея и публичные дебаты 1937 года разбудили в Платонове активный интеллектуальный и творческий интерес к наследию гениального поэта в советских 1930-х годах. Сначала Платонов заинтересовался восприятием и значением Пушкина для обычных советских людей. Главная прозаическая работа этого периода – утерянный роман «Путешествие из Ленинграда в Москву» – задумывалось как ремейк «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Радищева (1790) и пушкинского описания обратной поездки «Путешествие из Москвы в Петербург» [Платт: 2016: 165]. В феврале 1937 года, сразу после опубликования «Пушкин – наш товарищ» в январском номере «Литературного критика», Платонов предпринял путешествие на почтовой лошади в Москву, где должно было состояться пленарное заседание писателей, посвященное столетней годовщине смерти Пушкина [Корниенко 1995: 325].

¹ Цит. по: «Из докладной записки секретарей ССП СССР», 442–443.

² Д. Лукач, «Эммануэль Левин», «Литературное обозрение», № 19–20 (1937): 55.

³ Д. Лукач, «Эммануэль Левин», 55.

⁴ Там же: 58, 59.

Оставаясь верным духу своих литературных предшественников, Платонов думал не о предстоящих празднованиях, а о реальных условиях жизни за пределами советских столичных городов, о бедности и страданиях, которые он наблюдал во время остановок по пути, и об удивительной способности встреченных им людей выживать в этих условиях. Следующие наблюдения являются характерными записями в его путевом дневнике: «Народ весь мой бедный и родной. Почему, чем беднее, тем добрее [?]», «Какой здесь простой, доверчивый, нетребовательный, терпеливый народ – и дети тоже, как ангелы», и «Есть отвыкли еще в 1921 году, да так и не привыкли: мало едят»¹. В статье «Пушкин – наш товарищ» Платонов пишет, что «поэт ясно ощущал, что главная дорога истории началась где-то в стороне» [Платонов 2018: 111] Платонов считал, что только на периферии, вдалеке от центральных властей, среди бедных рабочих людей можно по-настоящему определить истинную ценность Пушкина для исторического развития социализма. Платоновский Пушкин – это автор «Повестей Белкина», у которого «черный народ», мелкие служащие, смотрители почтовых станций, коменданты забытых крепостей, крестьяне, пугачевцы, придорожные кузнецы и мастеровые, обездоленные девушки становятся предметом изучения и творчества...» [Платонов 2011: 78]. Более длинная статья «Пушкин и Горький» полна таких героев – «пушкинских людей» в терминологии Платонова. В соответствии с платоновским пониманием истории, пушкинский образ обнаруживается только в их лицах, страданиях и вдохновенном труде.

«Пушкин – наш товарищ» начинается с размышления о рабочих людях, об их уважении к интеллектуальному труду литератора, вытекающем из их собственного опыта физического труда, о существенном сходстве творческой деятельности поэта и рабочего-стахановца. Пугачевское восстание, восстание декабристов, и медленное, тщательное, сопровождаемое проговариванием

чтение пушкинских стихов рабочими изображаются на той же исторической траектории, утопической конечной целью которой является универсализация вдохновенной творческой деятельности при социализме. Платоновские размышления о трезвой оценке Пушкиным революционного потенциала Пугачева и декабристов (и его извинение за неучастие Пушкина в событиях 1825 года) явно перекликаются с интерпретацией Лифшицем «гуманной резиныции», приписываемой Пушкину В. Белинским². Группа «Течение» организовала согласованную кампанию по развенчанию двухмерного образа Пушкина как неунывающего оптимиста с безграничной жаждой радостей жизни, создаваемого в советской прессе [Платт 2016: 162–163]. В главе «Заметки о Пушкинском оптимизме» из неопубликованной книги Лифшица отмечается, что ценность Пушкина для советских читателей состоит не в его «безграничной любви к жизни» или «действенном оптимизме», а в его способности «глубоко страдать от диссонансов и противоречий жизни», и в «его глубокой вере в историческое движение, в будущее своего народа»³. Точно так же, платоновские статьи о Пушкине представляют собой попытку создать истинный образ художественного вдохновения и политического энтузиазма, или, используя термин Платонова для обозначения и того и другого, воодушевления. Для Платонова воодушевление содержит в себе реальную диалектически отрицательную ориентацию на мировое страдание, и вместе с тем стимулирует этически обоснованный творческий труд.

Прочтение критиком «Медного всадника» имеет центральное значение для платоновской защиты двойственного отношения Пушкина к российской революционной истории. Платонов приравнивает преобразующую мир творческую деятельность просвещенного самодержца, Петра Первого, к простой, жертвенной любви Евгения – «правда, в области, доступной каждому бедняку, но недоступной сверхчеловеку: в любви к другому человеку» [Платонов 2011: 75]. Социальное положение

¹ Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: ИМЛИ РАН, «НАСЛЕДИЕ». 2000. С. 193, 195, 208

² М. Лифшиц. «Заметки об оптимизме Пушкина (глава из неопубликованной книги)». Ред. В. М. Герман и А. М. Пичкин. Альтернативы, № 2 (1999), 75.

³ М. Лифшиц. «Заметки об оптимизме Пушкина», 62, 72, 88–89.

Евгения свело его возможности творческого выражения и политической деятельности к любви к Параше, но, по мнению Платонова, без него Петр I превратил бы весь мир в «бронзу», а Адмиралтейская игла превратилась бы «в подсвечник у гроба умершей (или погубленной) поэтической человеческой души» [Платонов 2011: 77].

Современный читатель будет прав, если почувствует здесь предупреждение об опасности сталинского творческого импульса, но он также вправе почувствовать уважение к лидеру в словах: «дело Петра только начато, а вовсе не завершено.», и «[Пушкин], мечтавший о повторении явления Петра, 'строителя чудотворного', что бы он почувствовал теперь?...» [Платонов 2011: 76, 84] И на самом деле, первый черновик статьи заканчивается платоновским рассказом о том, как он слушал ученика, читающего стихотворение Пушкина «Вакхическая песня», заменив окончание следующими словами: «Да здравствует Сталин, да скроется тьма!»¹ [Платонов 2011: 678–679]. Можно с осторожностью объяснить такое отношение к Сталину только политическими мотивами, особенно в свете платоновской статьи «Преодоление злодейства», которая, будучи опубликована в том же месяце, называла «уничтожение... злодеев» Карла Радека и Георгия Пятакова на сталинском показательном процессе «естественным, жизненным делом» [Платт 2016: 165]. С учетом сказанного, чтобы объяснить платоновскую аллюзию на фигуру Сталина, стоит принять во внимание его собственное замечание по интерпретации сложного пушкинского представления отношений между самодержцем и его подданным. Согласно Платонову, было бы неправильно принимать пушкинскую хвалу в адрес Петра I за чистую монету. Мы должны, скорее, отдавать себе отчет в том, что «Пушкин решил истинные темы «Медного Всадника»... не логическим, сюжетным способом, а способом «второго смысла», где решение достигается не действием персонажей поэм, а всей му-

зыкай, организацией произведения, – добавочной силой, создающей в читателе еще и образ автора, как главного героя сочинения» [Платонов 2011: 78]. Для Платонова имеет значение то, что пушкинское искусство и заключающееся в нем глубокое, тонкое историческое восприятие универсализуется как «источник всемирного социалистического воодушевления» [Там же: 84].

Впервые представленная в статье «Пушкин – наш товарищ» тема медленного, болезненного процесса, в результате которого обычные люди начинали приближаться к пушкинским образам воодушевления и предвидения, становится центральной в статье «Пушкин и Горький». Платонов переосмысливает эти ключевые аспекты пушкинской поэтической мифологии с позиций материалистической диалектики как «живое, рациональное чувство», которое, будучи порожденным ежедневным столкновением рабочих людей с окружающей реальностью, подстраивает их к происходящим историческим процессам и ведет их в их преобразующем труде, с помощью которого они подчиняют их своей воле². Платонов пишет: «Но великая поэзия и жизненное развитие человека, как средство преодоления исторической судьбы и как счастье существования, могут питаться лишь из источников действительности, из практики тесного, трудного ощущения мира, – в этом и есть разгадка народного происхождения истинного искусства» [Платонов 2011: 98–99]. Это «трудно[е] ощущени[е] мира» предполагает не только физический труд, но и реальную бедность и человеческие страдания, «общественное угнетение и личную, часто смертоносную, судьбу», которые «заставляют людей искать и находить выход из их губительного положения» [Платонов 2011: 95, 99]. Эти обстоятельства, в совокупности с «[ч]еловеческим действительн[ым] воодушевлени[ем]» дают людям все, что нужно для достижения цели: «и поэзию, и политику, и долготерпение, и прямую революцию» [Там же 2011: 108:].

¹ Платонов А. П. Фабрика литературы / Комментарий Корниенко Н. В. к статье «Пушкин – наш товарищ». С. 678–679.

² Об этом идеальном «гибриде разума и чувства» и его отношении к платоновскому пониманию искусства Пушкина см.: Платт. «Здравствуй, Пушкин», 171; и Андрей Платонов. «Пушкин и Горький», «Пушкинское обозрение» 2018. Вып. 20. С. 117–139.

Как ни странно, Пушкин делает Татьяну Ларину архетипичным пушкинским «бедным человеком», который, наряду с «крепостн[ым] раб[ом], городск[им] простолюдин[ом], мелк[им] служащ[им] чиновник[ом], обездоленной женщи[ной]» находит «силу своего счастья и спасения в собственном жизненном развитии, ассимилирующем всякое горе, в естественной тайне своего человеческого сердца, в женственном чувстве, которое верно бережет другого человека и до сих пор хранит и сохранило целое неистовое человечество» [Там же: 95, 96–97]. Статью «Пушкин и Горький» вряд ли можно считать типичной работой феминистской критики, но в ней присутствуют немало интересных наблюдений, касающихся женщин – Татьяна и ее нянюшка, Пушкин и его товарищ «по «профессии»» Арина Родионовна, Павел Власов и его мать, Пелагея Ниловна из романа Горького «Мать», и отношения между Горьким и его бабушкой – которые подводят Платонова к «известной мысли, что женщины, пожалуй, более «главные» люди, чем мужчины, – более драгоценные, в сущности, и не потому только, что они детей могут рожать» [Там же: 115, 116].

Наиболее убедительной и более значимой для платоновского понимания Пушкина является мнение (вдохновленное Лифшицем или, по крайней мере, созвучное с его мышлением), что в редких случаях человек, похожий на Татьяну или самого Пушкина, может выйти за пределы своего социального статуса. Тогда он становится способным индивидуализировать страдание, причиняемое противоречиями своего общества, и может трансформировать его во внутреннее чувство, способное дать людям выражение, утешение, силу и повышенную эстетическую чувствительность. Платонов воплощает в себе романтический миф о поэте как о голосе молчаливого русского народа, подчеркивая, что такое лирическое выражение народного сознания становится возможным благодаря тому, что «сам будущий пророк – лишь измученный человек, правда, измученный особой мукой» [Там же: 100]. Платонов, однако, меняет направление романтической иерархии творческого процесса, изображая Пушкина «коллективным

произведением народа, качеством, трудно превращенным из количества» [Там же: 102].

Центральным пушкинским текстом в статье «Пушкин и Горький» является стихотворение «Пророк», и именно по отношению к этому стихотворению Платонов наиболее точно формулирует свое понимание наследия поэта при социализме. Теперь «истинная огненная сила входит в нас извне, из великого волшебного мира; «уголь, пылающий огнем», зажжен не внутри одного, одинокого сердца человека, «уголь» зажжен в общем мире: может быть, он собран по лучинке с каждой души и совмещен вместе, в один сосредоточенный, страшный жар» [Там же: 100]. По мнению Платонова, то, что раньше было «живы[м], разумн[ым] чувство[м]» отдельного необыкновенного человека, становится затем «душой, чувством, привязанностью сердца и мыслью» [Там же: 94] миллионов людей. В то же время, Платонов продолжает верить, что «одна пушка все же сильнее многих тысяч кулаков», и что только цельный «раскаленный уголь», а не множество горящих лучин, способен выражать подлинное самосознание [Там же: 103].

Вопрос о возможной социалистической реинкарнации Пушкина и о притязаниях Максима Горького на этот титул, сформулированный на последних страницах статьи «Пушкин – наш товарищ», становится центральной темой статьи «Пушкин и Горький». Вторая статья пронизана явным противоречием между платоновским определением советских трудящихся масс как настоящих наследников пушкинского творчества и его признанием Ленина (и, соответственно, Сталина) и Горького в качестве политических и художественных последователей поэта. Следствием последнего утверждения является то, что статья «Пушкин и Горький» изобилует сомнительными рассуждениями о различных недостатках всех главных российских писателей перед лицом Пушкина как своего учителя. Действительно, временами читателю практически хочется присоединиться к ермиловской характеристике размышлений Платонова о каноне постпушкинских писателей как о «доморощенном», «вульгарн[ом] и мрачн[ом] бред[е]». ¹ Кажется, что в статье «Пушкин

¹ Ермилов В. О вредных взглядах «Литературного критика».

и Горький» атмосфера и пафосный дискурс юбилея 1937 года глубоко пронизывают Платоновский авторский голос, по крайней мере, в виде интонационного компонента сказовой «музыки», в которой мы должны постараться рассмотреть образ «художника-критика». В какой-то мере, мы можем отнести стилистическую и композиционную неравномерность статьи на счет платоновской народной ориентации. По замечанию исследователя Платонова Льва Шубина о проекте «Размышления читателя» в целом, Платонов «стремился говорить о книгах других писателей не как критик-профессионал, а просто как читатель» [Шубин 1970: 247]. К этому стоит добавить, что Платонов хорошо понимал дискурсивное окружение своих читателей, как простых людей, так членов партии, и он, скорее всего, прилагал усилия для того, чтобы дойти до первых и убажнить последних.

Вдобавок к тому, что он был «художником-критиком», Платонов был еще и настоящим философом, и если мы хотим оценить его статус по отношению к таким ведущим мыслителям-диалектикам, как Лифшиц и Лукач, то мы должны сначала осознать глубоко сидящий популизм и ориентацию на реальную жизненную практику, которые сформировали его мышление. Научные работы по изучению сотрудничества Платонова с «Литературным критиком» склонны преувеличивать влияние этих философов на Платонова. Один исследователь зашел даже так далеко, что назвал критические статьи Платонова «трансляторами идей и позиций 'течения'»¹. Для Платоно-

ва, гегелевская строгость взглядов Лифшица и Лукача способствовала их интеллектуальному сотрудничеству, но было бы более правильным охарактеризовать отношения между этими двумя философами вслед за Павлом Хазановым как «конвергентную интеллектуальную траекторию»². Трагическое и вместе с тем продуктивное диалектическое отрицание, которое ставит Платонова в один ряд с Лифшицем и Лукачем, стало предметом нескольких замечательных работ последних лет о Платонове³. Этот негативный компонент платоновского мировоззрения можно увязать с его практическим опытом человеческих страданий и социалистического труда, который рассчитан был на их облегчение в первые годы после революции. В 1921 году родная для Платонова Воронежская область пострадала от ужасного голода, и эта картина массового вымирания людей произвела на него такое сильное впечатление, что, по его собственным словам, «будучи техником, [он] не мог больше заниматься созерцательным делом – литературой» [Иноземцева 1971: 100]. Вместо этого, он решил посвятить себя практике производительного труда, получив мотивировку и поддержку от явно отрицательных эмоций, вызванных этими событиями. В статье «Жизнь до конца» в 1921 году он пишет, что «отчаяние, мука и смерть – вот истинные причины человеческой героической деятельности и мощные моторы истории. Мы должны мучиться, миллионами умирать, падать от неистощимой любви, чтобы обрести в себе способность работать»⁴. Платонов счи-

¹ В доказательство этого Полтавцева говорит о позиции Платонова по отношению к таким привычно платоновским темам, как «проблематичная личность», отчуждение, преодолеваемое в творческом и «опредмечивающем» труде, родовая общность, превращающаяся в социалистическое общество, изживание старого состояния мира и переход из «предыстории» человечества в подлинную историю. Полтавцева, «Платонов и Лукач», 261).

² Хазанов. «Честные якобинцы», 4–5.

³ Особого внимания заслуживают два недавних исследования места диалектического мышления и негативного влияния в творчестве Платонова. В работе «Аффективное картографирование» Джонатан Флэтли использует термин Реймонда Уильямса «структура чувств» для обозначения «полноценной параллели идеологии... специфическими эмоциональными элементами сознания», которые опосредуют и «формируют нашу эмоциональную привязанность к различным объектам общественного устройства». Флэтли анализирует платоновское использование тоски для определения контуров «субъективности в некапиталистической современности» и утверждает, что платоновские герои являются диалектическими в той степени, в какой они «отмечены тем, что они потеряли». См.: Флатли. «Аффективное картографирование: Меланхолия и политика модернизма» (Кеймбридж, Массачусетс: Изд-во Гарвардского университета, 2008), 26, 178. В своей статье, посвященной Платонову, Артем Магун показывает, каким образом отрицание в трагической прозе Платонова работает как «литературная машина», как «механизм революционной субъективации», который «очищает» страдание его читателя, придавая ей «действенный, активный (драматический) характер» и «обостряет чувство мира» читателя. См.: Артем Магун. Отрицательная революция Андрея Платонова // Новое литературное обозрение, № 106 (2010). С. 73.

⁴ Цит. по: А. П. Платонов. Жизнь до конца. В кн.: Сочинения. Научное издание, т. 1, ч. 2 / Под ред. Н. В. Корниенко М.: ИМЛИ РАН, 2004: 180.

тает, что при отсутствии «настоящей жизни на земле» «много скопилось в душе динамита», и эта сила проявляется в ночных сновидениях «безмолвно и темно и не требует выражения» или «организующей... идеологии»¹. Таким был невыразимый, полусознательный, диалектический потенциал простого труженика, по мнению молодого Платонова.

В последующие годы Платонов работал инженером-мелиоратором, руководил большими ирригационными и электрификационными проектами в провинции, включая гидроэлектрическую плотину на реке Дон. Именно на основе этого опыта он развил свое диалектическое понимание человеческого труда и истории. В своем докладе «Метод общественных работ», сделанном в 1925 году на краевом совещании по общественно-мелиоративным работам в Саратове; собраниях ирригационных рабочих в Саратове и Ростове, Платонов обозначает два подхода к практике – «формально-логический» и «диалектический»². Учитывая условия проведения работ – «совершенно неквалифицированные рабочие массы, отсутствие в них элементов рабочей дисциплины, переменный состав рабочих, недостаток рабочего инструмента и инвентаря, крайняя срочность исполнения заданий» – эти проекты были «абсурд[ом]» с «формально-логической» точки зрения³. Перед лицом таких преград, Платонову пришлось искать другой подход «в живой диалектике: перекрытии и заполнении всех ущербов и неувязок в принципах работ живой силой энергии людей и их организационно-техническим уменьем»⁴. Этот диалектический подход был попыткой «задавить, пересилить живой, энергичной, интеллектуальной силой

труднейшие, противоречивые принципы работ», «живым принципом», который Платонов сравнивает с Лениным «уменьем предвидеть обстановку завтрашнего дня»⁵.

Нетрудно заметить связь между этой «живой диалектикой» и невыразимым «живым, рациональным чувством», которое Платонов определяет в пушкинских эссе как источник «воодушевленной, поэтической деятельности» и как пророческое видение народа [Платонов 2011: 69]. Именно эта народная, практико-ориентированная этика платоновской «живой диалектики» лучше всего отличает Платонова от более схоластичного Лифшица. Диалектика Лифшица по большому счету является (по собственному признанию автора) аристократической, в которой, как удачно замечает Хазанов, есть место только «для мировых исторических личностей вроде Гегеля и Пушкина»⁶. Согласно Лифшицу, художники-классики уровня Пушкина занимают привилегированное положение в конце золотого века или периода искусства. Только с такой позиции и можно по-настоящему оценить как противоречия умирающего общества, так и ложные обещания приходящего нового времени⁷. Джонатан Платт поясняет, что именно «уникальное положение», которое Лифшиц называет целью – своего рода диалектической «трещиной» – позволяет «ощутить свою эпоху во всей ее целостности и уловить ее истинный смысл» [Платт 2016: 163–164].

Для Платонова, в этой щели может находиться и «бедный человек». Для иллюстрации этого различия, можно рассмотреть утверждение Лифшица о том, что, хотя «[п]росветительную роль стихотворения... играли, продолжают играть в еще большей степени сей-

¹ Цит. по: А. П. Платонов. Жизнь до конца. В кн.: Сочинения. Научное издание, т. 1, ч. 2. С. 180–181.

² Платонов А. П. Метод общественных работ // Сочинения: Научное издание, т. 1, ч. 2. С. 283.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 284.

⁵ Там же.

⁶ Хазанов. «Честные якобинцы», 26–27.

⁷ Платт таким образом объясняет употребление Лифшицем термина *Kunstperiode*, что это объяснение наглядно иллюстрирует аристократическую чувствительность Лифшица: «Лифшиц настаивает на разграничении гармонии и ясности классического произведения и грубой наивности народного искусства, которое неизбежно выражает „примитивное, неразвитое и угнетенное положение“ народа. Настоящее классическое произведение обретает народность на следующей стадии, которая отмечает в истории каждого народа то, что Генрих Гейне (вслед за Гегелем) называл *Kunstperiode* (периодом искусства) – временем Гёте и Шиллера в Германии, высокого возрождения в Италии, или Пушкина в России. Это «счастливейшее время» представляет собой пик аристократической культуры, когда она на какое-то время избегает узости классового интереса и встает на «народный фундамент» (262). Это стадия «аристократической демократии», в которой происходят «величайшие достижения художественной культуры», приближающиеся к видовым интересам человечества» (Платт 2016: 158).

час... все-таки Золотые часы существуют не для того, чтобы ими гвозди забивать»¹. Платонов же, напротив, размышляет о поэзии стахановцев и о том, понимал ли сам Пушкин, что будущий социалистический труженник «превратит в поэзию даже работу отбойного молотка и бег паровоза» [Платонов 2011: 84]. С позиций Платонова, совокупность этих отдельно работающих отбойных молотков, каждый из которых управляется «живым, рациональным чувством» простых «бедных людей» и включается, по аналогии с размышлениями Платонова о музыкальной структуре «Медного всадника», в единую историческую силу социализма, представляет собой красоту более высокого порядка, чем стихотворные шедевры отдельного поэта, даже такого как Пушкин. То, что было выдвинуто Гегелем абстрактно, и, согласно Лифшицу, выявлено только пушкинской аристократической чувствительностью в его уникальном историческом положении, становится имманентно

ощутимым в жизненном опыте обычных трудящихся через их творческую деятельность и появляющееся в результате этой деятельности восприятие несоответствия между идеалом и реальностью. Именно это Платонов и имеет в виду, когда говорит, что пушкинское горящее сердце было разбросано в виде горящих лучин по миллионам сердец трудящихся масс. Платонов соглашается с тем, что «одна пушка все же сильнее многих тысяч кулаков», и что до сих пор каждая отдельная горящая лучина выглядит скромно по сравнению с горящим пламенем великого поэта. Однако если все эти лучины взять вместе, то они будут равняться единому целому, а передача этого пламени людям в период социалистического строительства указывает на возможность появления такой же всеохватывающей индивидуальной перспективы, какая была у Пушкина, в условиях подлинного коммунизма. По мнению Платонова, в этом заключалась значимость Пушкина в 1937 году.

Перевод на русский язык С. М. Полякова

Литература

- Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917-1953. – М. : Демократия, 1999. – С. 439–444.
- Галушкин, А. Андрей Платонов – И.В. Сталин – литературный критик / А. Галушкин // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества / Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2003. – Вып. 4. – С. 815–826.
- Дужина, Н. Постоянные идеалы Андрея Платонова во второй половине 1930-х годов / Н. Дужина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества / под ред. Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2003. – Вып. 5. – С. 35–46.
- Ермилов В. «О вредных взглядах Литературного критика» / В. Ермилов // Литературная газета. – 10 сентября 1939.
- Иноземцева, Е. Платонов в Воронеже / Е. Иноземцева // Подъём. – 1971. – № 2.
- Корниенко, Н. В. История текста и биография А.П. Платонова / Н. В. Корниенко // Здесь и теперь. – 1993. – № 1. – С. 150–170.
- Корниенко, Н. В. Повествовательная стратегия Платонова в свете текстологии / Н. В. Корниенко // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества / под ред. Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 1995. – Вып. 2. – С. 312–335.
- Лифшиц, М. «Заметки об оптимизме Пушкина (глава из неопубликованной книги)». Ред. В. М. Герман и А. М. Пичикян / М. Лифшиц // Альтернативы. – 1999. – № 2. – С. 75.
- Лукач, Д. Эммануэль Левин / Д. Лукач // Литературное обозрение. – 1937. – № 19-20. – С. 55.
- Небольсон, С. Платонов – пушкинист / С. Небольсон // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества / под ред. Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2000. – Вып. 4. – С. 48–50.
- Платонов, А. Пушкин и Горький / А. Платонов // Литературный критик. – 1937. – № 6. – С. 63–84.
- Платонов, А. Пушкин – наш товарищ / А. Платонов // Литературный критик. – 1937. – № 1. – С. 46–61.
- Платонов, А. Записные книжки. Материалы к биографии / А. Платонов. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2000. – С. 193, 195, 208.
- Платонов, А. Сочинения. Т. 1, ч. 2 // А. Платонов ; под ред. Н. В. Корниенко – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – С. 511.
- Платонов, А. Пушкин – наш товарищ / А. Платонов ; пер. А. Айзман // Пушкинское обозрение. – 2018. – Вып. 20.

¹ Михаил Лифшиц, «О Пушкине: Письмо Г. М. Фридендеру, 8 апреля 1938 года». Перев. Павел Хазанов, «Пушкинское обозрение» 20 (2018): 77.

Полтавцева, Н. «Гуссерлианское, космическое и Пушкинское начала в Платонове» / Н. Полтавцева // Эссе в области поэтики. – 2002. – № 27. – С. 97–113.

Полтавцева, Н. Платонов и Лукач: Из истории советского искусства 1930-х годов / Н. Полтавцева // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 107 (1). – С. 253–270.

Платонов и Лукач (из истории советского искусства 1930-х годов) // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 1 (170). – С. 253–270.

Сейфред, Т. Платонов как протосоциалист // Т. Сейфред // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества / под ред. Н. В. Корниенко. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1994. – Вып. 1. – С. 145–154.

Спиридонова, И. А. Пушкин в творческой эволюции А. Платонова / И. А. Спиридонова // Проблемы исторической поэтики. – 2001. – Вып. 6. – С. 465–482.

Хазанов, П. «Честные якобинцы: Высокий сталинизм и социалистический субъективизм Михаила Лифшица и Андрея Платонова» / П. Хазанов // Русское обозрение. – 2018. – № 77 (4). – С. 2–27.

Шубин, Л. Критическая проза Андрея Платонова / Л. Шубин // Андрей Платонов. Размышления читателя. – М.: Советский писатель, 1970. – С. 3–18.

Bethea, D. Platonov's Revisiting of Pushkin's Sculptural Myth: Notes for a Violin with Silent Orchestra / D. Bethea, W. Clint // Essays in Poetics. – 2002. – Т. 27, № 2. – P. 63–97.

Platt, J. Greetings, Pushkin! Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard / J. Platt. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2016. – 201 p.

Platonov, Incommensurability, and the 1937 Pushkin Jubilee // *Ulbandus* 14. – 2011–2012. – Вып. 14. – P. 216–250.

References

Vlast'i khudozhestvennaya intelligentsiya: Dokumenty CK RKP (b) – VKP (b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoi politike, 1917–1953 [Official Power and Artistic Intelligentsia: Documents of the Central Committee of the RKP (b) – VKP (b), VChK – OGPU – NKVD about the Cultural Policy]. (1999). Moscow, Demokratiya, pp. 439–444.

Galushkin, A. (2003). Andrei Platonov – I. V. Stalin – literaturnyi kritik [Andrey Platonov – I. V. Stalin – Literary Critic]. In Kornienko, N. V. (Ed.). «Strana filosofov» Andreja Platonova: *Problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie. Issue 4, pp. 815–826.

Duzhina, N. (2003). Postoyannye idealy Andreyana Platonova vo vtoroi polovine 1930-kh godov [Constant Ideals of Andrey Platonov in the Second Half of the 1930s]. In Kornienko, N. V. (Ed.). «Strana filosofov» Andreja Platonova: *Problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie. Issue 5, pp. 35–46.

Ermilov, V. (1939). «O vrednykh vzglyadakh Literaturnogo kritika» [About the Harmful Ideas of the Literary Critic]. In *Literaturnaya gazeta*. September 10.

Inozemtseva, E. (1971). Platonov v Voronezhe [Platonov in Voronezh]. In *Pod'yom*. No. 2.

Kornienko, N. V. (1993). Istoriya teksta i biografiya A. P. Platonova [The History of the Text and Biography of A. P. Platonov]. In *Zdes' i teper'*. No. 1, pp. 150–170.

Kornienko, N. V. (1995). Povestvovatel'naya strategiya Platonova v svete tekstologii [The Narrative Strategy of Platonov in the Light of Textology]. In Kornienko, N. V. (Ed.). «Strana filosofov» Andreja Platonova: *Problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie. Issue 2, pp. 312–335.

Lifshic, M. (1999). «Zametki ob optimizme Pushkina (glava iz neopublikovannoi knigi)» [Notes on Pushkin's Optimism (A Chapter from an Unpublished Book)]. Ed. by V. M. German and A. M. Pichikyan. In *Alternativy*. No. 2, p. 75.

Lukach, D. (1937). «Emmanuel Levin» [Emmanuel Levinas]. In *Literaturnoe obozrenie*. No. 19–20, p. 55.

Nebol'son, S. (2000). Platonov – pushkinist [Platonov as a Scholar of Pushkin]. In Kornienko, N. V. (Ed.). «Strana filosofov» Andreja Platonova: *Problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie. Issue 4, pp. 48–50.

Platonov, A. (1937). Pushkin i Gor'ky [Pushkin and Gorky]. In *Literaturnyi kritik*. No. 6, pp. 63–84.

Platonov, A. (1937). Pushkin – nash tovarishch [Pushkin is Our Comrade]. In *Literaturnyi kritik*. No. 1, pp. 46–61.

Platonov, A. (2000). *Zapiski knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials for the Biography]. Moscow, IMLI RAN, Nasledie, pp. 193, 195, 208.

Platonov, A. (2004). *Sochineniya. T. 1, ch. 2* [Collected Works. Vol. 1, part 2] / ed. by N. V. Kornienko. Moscow, IMLI RAN, p. 511.

Platonov, A. (2018). Pushkin – nash tovarishch [Pushkin is Our Comrade] / transl. by A. Aizman. In *Pushkinskoe obozrenie*. Issue 20.

Poltavtseva, N. (2002). «Gusserlianskoe, kosmicheskoe i Pushkinskoe nachala v Platonove» [Husserlian, Cosmic and Pushkinian Ideas in Platonov]. In *Esse v oblasti poetiki*. No. 27 (2), pp. 97–113.

Poltavtseva, N. (2011). «Platonov i Lukach: Iz istorii sovetskogo iskusstva 1930-kh godov» [Platonov and Lukács: From the History of Soviet Art of the 1930s]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 107 (1), pp. 253–270.

Platonov i Lukach (iz istorii sovetskogo iskusstva 1930-kh godov) [Platonov and Lukács: From the History of Soviet Art of the 1930s]. (2011). In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 1 (170), pp. 253–270.

Seifred, T. (1994). Platonov kak protosotsialist [Platonov as a Prototypical Socialist Realist]. In Kornienko, N. V. (Ed.). «Strana filosofov» Andreja Platonova: *Problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie. Issue 1, pp. 145–154.

Spiridonova, I. A. (2001). Pushkin v tvorcheskoi evolyutsii A. Platonova [Pushkin in the Creative Evolution of A. Platonov]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Issue 6, pp. 465–482.

Khazanov, P. (2018). «Chestnye yakobintsy: Vysokii stalinizm i sotsialisticheskii subektivizm Mikhaila Lifshica i Andreyana Platonova» [Honest Jacobins: High Stalinism and the Socialist Subjectivity of Mikhail Lifshits and Andrey Platonov]. In *Russkoe obozrenie*. No. 77 (4), pp. 2–27.

- Shubin, L. (1970). *Kriticheskaya proza Andrey Platonova* [Critical Prose of Andrey Platonov]. In *Andrei Platonov. Razmyshleniya chitatelya*. Moscow, Sovetskii pisatel', pp. 3–18.
- Bethea, D., Clint, W. (2002). Platonov's Revisiting of Pushkin's Sculptural Myth: Notes for a Violin with Silent Orchestra. In *Essays in Poetics*. Vol. 27. No. 2, pp. 63–97.
- Platt, J. (2016). *Greetings, Pushkin! Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press. 201 p.
- Platonov, Incommensurability, and the 1937 Pushkin Jubilee. (2011-2012). In *Ulbardus14*. Issue, pp. 216–250.

Данные об авторе

Сипли Джейсон – PhD, доцент кафедры русистики, Гамильтонский колледж (Клинтон, США).
E-mail: jcieply@hamilton.edu

Author's information

Cieply Jason – PhD, Assistant Professor of Department of Slavic Languages and Literature Gamilton College (Clinton, USA).